

55. Відділ державного архіву Чернігівської області в м.Ніжині, ф. 1104, оп. 1, од. зб. 66, арк. 1–7 зв.
56. Лист почесного попечителя А.Г.Кушелева-Безбородька до попечителя Харківського учбового округу від 19 травня 1822 р. // Відділ державного архіву Чернігівської області в м.Ніжині, ф. 1104, оп. 1, од. зб. 64, арк. 44.
57. Воропаев В.А. Три этюда о Гоголе // Гоголь: История и современность. – М., 1985.
58. Супронюк О.К. Лектура вихованців Ніжинської гімназії вищих наук кн.Безбородька у 20-ті роки XIX ст. // Бібліотечний вісник. – 1996. – №2. – С. 17–21.
59. Луковская Д.И., Гречишкин С.С., Морозов В.И. Михаил Михайлович Сперанский (материалы к научной биографии). http://www.hrono.info/libris/speran02-.htm#_ftn241. 11.06.2008.
60. Відділ державного архіву Чернігівської області в м.Ніжині, ф. 1104, оп. 1, од. зб. 1, арк. 18.
61. Якубіна Ю.В. Про витоки Гоголевого страху (ніжинський період) // Сіверянський літопис. – 2001. – №3. – С. 101–106.
62. Супронюк О.К. Невідомий Петро Мартос. Нові матеріали про видавця "Кобзаря" 1840 р. // Київська старовина. – 1997. – №3/4. – С. 36–46.
63. Халчинский И. К.М.Базили // Лицей князя Безбородко / Изд. гр. Г.А.Кушелев-Безбородко. – СПб.: Тип. ИАН, 1859. – Отд. II. – С. 5–13.
64. Відділ державного архіву Чернігівської області в м.Ніжині, ф. 1104, оп. 1, од. зб. 22, арк. 18 зв.
65. И.К. (Кулжинский И.Г.) Воспоминания учителя // Москвитянин. – 1854. – №21. – Т. VI. – Смес. – С. 1–16.
66. Відділ державного архіву Чернігівської області в м.Ніжині, ф. 1104, оп. 1, од. зб. 22, арк. 3 зв.
67. Кулжинский И. Д.Е.Ясновский // Лицей князя Безбородко / Изд. гр. Г.А.Кушелев-Безбородко. – СПб.: Тип. ИАН, 1859. – Отд. I. – С. 81–83.
68. Эйдельман Н. Розыскное дело <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/NYE/ALEXIS.HTM> 10.06.2008
69. Відділ державного архіву Чернігівської області в м.Ніжині, ф. 1104, оп. 1, од. зб. 16, арк. 2.
70. Машинский С.И. Гоголь и "дело о вольнодумстве". – М.: Советский писатель, 1959. – 293 с.

А.В.Чоботько

В.Розанов о природе религиозности Н.Гоголя

Одним из наиболее принципиальных расхождений между Розановым и Гоголем было разное осмысление ими идеи Бога и человеческой религиозности. Особенности духовной жизни Гоголя, его философско-религиозные симпатии, представления о сущности мира неизменно вол-

новали Розанова. В разное время Розанов по-разному подходил к решению этой проблемы. В одно время он видит Гоголя язычником, поклонником античной культуры, позже акценты смещаются Розановым в прямо противоположную сторону, и он говорит об авторе "Мертвых душ" то как о христианине, то как о скрытом стороннике иудаизма. Разумеется, что в каждом из перечисленных случаев Розановым приводится абсолютно новый набор аргументов и доказательств. Религиозные симпатии Гоголя всегда представлялись Розанову нестабильными, все время изменявшимися: "Гоголь между язычеством и христианством, не попав ни в одно" [1].

Впервые мысль о Гоголе-язычнике, поклоннике античной культуры, испытывающем постоянную тоску по идеалу, была высказана в статье "Загадки Гоголя...". Эта мысль также получила подтверждение у Розанова в послереволюционный период, во время кардинального изменения его отношения к творчеству Гоголя. Как и в ряде других случаев, Розанов подходит к решению поставленного вопроса предельно субъективно, характеризуя гоголевские образы и сюжетные коллизии его произведений так, чтобы они могли быть включены в создаваемую им схему. Приводимые именно в этой, конкретной ситуации доводы и предположения в другой ситуации и в другое время могли быть полностью отброшены, если вступали в противоречия с вновь выстраиваемыми мыслями. В значительной степени именно таким, предельно субъективным розановским подходом к оценке различных сторон творческого наследия Гоголя и объясняется тот факт, что абсолютное большинство выдвигаемых им совершенно оригинальных предположений и гипотез (в основной массе своей не встречавшихся ни до, ни после него) подвергалось резкой критике или отбрасывалось как несостоятельные в дальнейших литературоведческих изысканиях, касающихся творчества автора "Мертвых душ".

Розанов видит прямую связь между "Арабесками" и "Мертвыми душами". В "Арабесках" Гоголь говорит о жизни народов Древнего Египта, Древних Греции и Рима. Таким образом, здесь в наиболее емкой форме нашло отражение понимание Гоголем общих и отличительных черт древних цивилизаций. Мысль его сводится к тому, что в каждой из этих цивилизаций на первый план выдвигались различные стороны человеческой жизни: в Древнем Египте все было подчинено смерти, смерть полностью довлела над жизнью (об этом свидетельствует строительство огромных пирамид), в Древней Греции первостепенной мыслилась красота, все усилия людей были направлены на совершенствование своего тела, на достижение гармонического соответствия между

физическим и интеллектуальным развитием (примером тому является расцвет искусства), в Древнем Риме все было подчинено силе и могуществу. "Первоначальные устои" из жизни украинского народа Гоголь показал "в "Бульбе" и в народных малороссийских рассказах" [2], уходящих своими корнями также в дохристианские времена. При сопоставлении этих произведений с "петербургскими повестями" и "Мертвыми душами" читатель мог проследить за эволюцией человечества на примере России, которая в розановской интерпретации представляла собой яркий пример поступательного регресса, деградации и "измельчания" человека.

Для того чтобы показать связь между "Арабесками" и "Мертвыми душами", Розанов приводит целый ряд аргументов. По его мнению, Гоголь в "Мертвых душах" "изваял фигуры до такой же степени вечные и универсальные.., безупречные, как Аполлоны и Зевсы Фидиев и Праксителей..." [3], то есть образы русских помещиков и Чичикова созданы с такой же силой и художественной убедительностью, что и произведения античных скульпторов, но они кардинально отличаются друг от друга по своей смысловой направленности. Тем самым, они дают возможность проследить за поступательным процессом "измельчания" человека. Воспроизведенные Гоголем в "Арабесках" "исповедания" народов и resume их жизни" [4] позволили Розанову заключить, что именно из этого "колоссального, режущего, оглушающего контраста" [5] между разными этапами в жизни человечества родились "Мертвые души".

Восхищение Гоголя древними политеистическими цивилизациями, как бы противопоставление их норм жизни нормам жизни в христианской России, позволило Розанову характеризовать его не только как русского, но и как "европейского обличителя" и, более того, "до известной степени – обличителя христианского" [6]. И в этом плане Розанов прослеживает аналогии между исторической ролью Ф.Петрарки и исторической ролью Гоголя: "Оба они тяжелым вздохом вздохнули по античному миру. Просто – еще не понимая ничего, а только сравнивая красоту лиц. "За лицом – душа: и неужели были хуже души греков и римлян за вот такими их лицами, нежели души Коробочек и Чичиковых за достаточно хорошо нам известными лицами этих наших современников "?..?.." [7].

Гоголевские образы, представляющиеся Розанову гипертрофированными исполнинскими чудовищами, стали возможны лишь во времена доминирующей и главенствующей в обществе христианской этики и морали: "Вот что принес на землю Христос, каких Чичиковых, и Собакевичей, и Коробочек. Какое тупоумие и скудодушевность. Когда прежде была Аннунциата" [8]. Аналогичная мысль повторяется Розановым и в

статье того же времени "Апокалиптика русской литературы". Здесь писатель подвергает сомнению религиозно-конфессиональную принадлежность Гоголя к христианству и для подтверждения своих мыслей обращается к схожим доказательствам и аргументам. Он пишет: "Что-то случилось. Что-то случавилось. Кто-то из "бедной ясли" вышел не тот. И стало воротить "на сторону" лицо человеческое... И показалось всюду РЫЛО. И стал "бедный сын пустыни" описывать Чичиковых... Подхалузиных. Собакевичей. Плюшкиных. И куда он ни обращался, видел все больше и больше, гуце и гуце одних этих РЫЛ. И чем больше молился несчастный кому – неизвестно... Тем больше встречал он эти же РЫЛА" [9]. Обращения к христианскому Богу никоим образом не могли изменить сложившейся ситуации, поскольку чем усерднее и пристрастнее Гоголь молился, "тем больше встречал он эти же РЫЛА" в повседневности, тем явственней и зримей перед ним во всей своей красоте и великолепии предстал немеркнувший античный идеал.

Исходя из вышесказанного, можем констатировать тот факт, что Гоголь предельно остро чувствовал разрыв между действительностью и идеалом, который отождествлялся писателем с дохристианским миром. Действительность, окружавшая писателя, свидетельствовала о неслыханной деградации человека и человечества, к которой они "пришли" после распространения христианства.

Вместе с тем Розанов неоднократно говорит о симпатиях Гоголя к католицизму. К таким выводам он приходил, в первую очередь, после анализа отдельных периодов в жизни Гоголя, а также исходя из содержательной стороны некоторых его произведений. Одним из наиболее примечательных факторов, позволивших Розанову конструировать такую линию при подходе к определению конфессиональной принадлежности Гоголя, была ссылка на его многолетнее пребывание в столице Италии Риме – центре католического мира. Рим как центр католицизма для одних из наиболее рьяных адептов православия – запорожских казаков (ведь, как подчеркивалось выше, именно с казачеством у Гоголя отождествлялись "извечные первоначальные устои") – был тем, "чем для киевских старушек "Лысая гора" [10]. В письмах же Гоголя он определяется как "настоящая родина души моей" [11]. Это "чертово гнездо Европы", "вековая, извечная, начальная родина ксендзовства" [12] так привлекала Гоголя, что он посвятил ей несколько лет своей жизни под предлогом невозможности, ввиду состояния собственного здоровья, находиться в России. Для Розанова ссылки со стороны Гоголя на плохое здоровье – всего-навсего мистификация, игра, желание скрыть настоящие причины своего отъезда и многолетнего пребывания в Италии.

Находясь в Италии, центре католического мира, Гоголь писал о России, воспринимавшейся как центр мира православного, все время изображая ее в самых неприглядных красках, постоянно выводя на первый план только негативные, отрицательные стороны в ее жизни. Такой контраст между тем, что окружало Гоголя в католической Италии, и тем, что нашло отражение в "Мертвых душах" – произведении, повествующем о православной России, – Розановым переосмысливался как прямое свидетельство и подтверждение трагической раздвоенности писателя. Ведь разительное несоответствие между тем, что он видел, живя в Италии /блеск, красота, гармония/, и тем, что изображал, когда писал о России /косность, грубость, пошлость, издоимство, тьма, вековые предрассудки/, лишь подчеркивало значимость для Гоголя Рима как центра католичества. Факт непрямого, скрытого, опосредованного противопоставления двух культур, двух религиозных христианских направлений трактовался Розановым как своеобразное мерило гоголевского отношения к православию и католичеству, хотя он, в конечном счете, и признал, что Гоголь "в католичество не перешел" [13].

Розанов также видел в Гоголе скрытого сторонника иудаизма. Но если в другое время и в других ситуациях он, называя Гоголя то язычником, то католиком, использовал, превратно трактуя, различные факты из биографии писателя, то в данном случае попытался отождествить с ним образ старика-колдуна из "Страшной мести", названного им иудеем. Чтобы придать весомость и доказательность своим размышлениям, Розанов совершает весьма пространный экскурс в талмудическую, ветхозаветную и новозаветную историю, пытается найти подтверждение своей точки зрения в других священных книгах евреев и христиан, иллюстрируя ее соответствующими эпизодами из них. Поэтому имя Гоголя, вынесенное в заглавие статьи "Магическая страница у Гоголя", появляется только во второй ее части. Первая же часть этой работы является, своего рода, введением и представляет собой выяснение вопроса о месте кровосмесительного брака у евреев /Талмуд, Ветхий Завет/ и у христиан /Новый Завет/. Именно с этих позиций Розановым и проводится принципиальное различие между христианством и иудаизмом. Заключение, к которому пришел Розанов, таково: "Народы, смотревшие без отвращения на половую систему..., видели в родственной любви чудо и желали его, а мы видим в ней грех и избегаем ее" [14].

На розановской системе размышлений по этому вопросу остановимся чуть подробнее. Творческий замысел "Страшной мести" Розановым заметно утрируется и упрощается. Он сводится им к попытке Гоголя

передать невероятные события, невозможные в действительности украинского средневековья и связанные с действиями инфернальных сил, персонифицированным представителем которых в повести является колдун. Его образ вобрал в себя всю полноту народных представлений о демонических существах. Содержательная сторона повести, как и в ряде других случаев, в интерпретации Розанова сводится только к описанию пространственных границ действий колдуна, к простому перечислению его поступков: "Суть – Катерина и ее отец, или, точнее и строже – только один отец, "колдун" [15]. Сюжет же повести рассматривается Розановым как пересказывание Гоголем библейского эпизода о Лоте и его дочерях. Именно в этом направлении и конструируется им дальнейшая схема размышлений. Розанов, говоря об автобиографичности образа колдуна, подкрепляет свое мнение доводами, которые кажутся ему убедительными. Одним из таких доводов является ссылка на язык, речь колдуна, которые Розанов называет "частным", "личным" языком Гоголя, применяющимся им только в наиболее сокровенных и интимных произведениях /письма, "Авторская исповедь", записки к Оптиным монахам/. Язык колдуна резко отграничивается Розановым от языка других персонажей произведения, получающего характеристику "художественной работы", "выдумки". Другим аргументом, призванным засвидетельствовать в пользу розановского тезиса об "автобиографизме" образа колдуна, является указание на "реализм" – предельную достоверность колдовства, максимально приближенные к реальным этапам колдовства.

К разгадке тайны "Страшной мести", по Розанову, ведет единожды упомянутое в тексте произведения слово "жид". Оно представляется писателю ключевым, а "жидовское начало" ассоциируется у Розанова с кровосмешением, выступает в качестве противоположного христианскому. "Сущность кровосмешения" в повести Розанов усмотрел в эпизоде вызывания колдуном души Катерины и в последующем ее появлении.

Хотя, по мнению Розанова, сюжет повести и дублирует библейский сюжет о Лоте и его дочерях, но сам ветхозаветный эпизод Гоголем во время написания этого произведения так ни разу и не упоминается, потому что в таком случае его автор ни под каким предлогом не осуществил бы свой замысел. Если бы Гоголь нашел хоть какие-то незначительные параллели между тематикой своей повести и соответствующим библейским эпизодом, он бы полностью изменил сюжет своего произведения. Этот библейский мотив описан Гоголем как бы "изнутри", он как бы вытекает из личного опыта писателя, из пережитого им.

Сны Катерины для Розанова также реальны. Подготовка колдуна к колдовству и сам этот процесс передается Гоголем с невиданной

художественной силой, с максимально возможным проникновением в таинства этого действия. Достоверность передачи процесса колдовства, вычленение причин такой достоверности и нахождение их истоков позволяет Розанову признать наличие у Гоголя некоего "внутреннего ведения" и отсутствие каких-либо видимых, опытных, онтологических причин такого знания. Половые явления уподобляются Розановым явлениям магическим, между ними проводятся линии тождества, уравнильного порядка. Наличие признака пола сразу же устраняет наличие чего-то механического, материального, потому что употребление и соединение этих категорий одновременно для Розанова невозможно, взаимоисключаемо. Замок колдуна, вещи, находящиеся там, наделяются признаками живого, выступают в качестве не орудий и объектов, а являются прямыми участниками колдовства и "кровосмесительных процессов". Замок колдуна – "утроба", где происходит кровосмешение. "Невиданное оружие", находящееся в комнате колдуна, является тем ограничительным элементом, который позволяет отделить это место от христианского мира.

Кровосмешение всегда представлялось Розанову неотъемлемой чертой жизни еврейского народа. У христиан же этот процесс мыслился иррациональным, стоящим вне традиций и религиозных заветов. Поэтому Гоголь, благодаря своему "внутреннему ведению", смог разгадать таинства древневосточных рабовладельческих обществ.

Как видим, особенности розановского мышления довольно явно проявились в вопросе о выяснении религиозно-конфессиональной принадлежности Гоголя. Розанов предельно непоследователен, постоянно противоречит сам себе, утверждает то, что незадолго до этого с таким же упорством отрицал. Розановское мышление можно с полным правом назвать неким ситуативным мышлением, когда в каждой индивидуально взятой ситуации /жизненной, литературной, общественно-политической и т.п./ он декларировал совершенно разные, прямо противоположные излагавшимся ранее, мысли, руководствуясь при этом только ему известными причинами и мотивами.

Литература

1. Розанов В.В. Опавшие листья: Короб 1-й // Розанов В.В. Уединенное. – М.: Республика, 1990. – С. 192.
2. Розанов В.В. Загадки Гоголя... // Розанов В.В. Собр. соч.: О писательстве и писателях. – М.: Республика, 1995. – С. 344.
3. Там же. – С. 338–339.
4. Там же. – С. 343.

5. Там же. – С. 343.
6. Розанов В.В. Гоголь и Петрарка // Розанов В.В. Собр. соч.: О писательстве и писателях. – М.: Республика, 1995. – С. 658.
7. Там же. – С. 659.
8. Там же. – С. 658.
9. Розанов В.В. Апокалиптика русской литературы // Розанов В.В. О писательстве и писателях. – М.: Республика, 1995. – С. 675–676.
10. Розанов В.В. Загадки Гоголя... // Указ. ист. – С. 344.
11. Там же. – С. 337.
12. Там же. – С. 337.
13. Там же. – С. 337.
14. Розанов В.В. Магическая страница у Гоголя // Розанов В.В. Собр. соч.: О писательстве и писателях. – М.: Республика, 1995. – С. 400.
15. Там же. – С. 401.

Е.С.Анненкова

Еще раз к вопросу о западничестве И.С.Тургенева в аспекте Пушкинской речи писателя

А.Блок в своих знаменитых "Скифах" написал удивительные по значительности вложенного в них смысла слова: "Нам внятно все – и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений", а Вл.Соловьев выразил ту же мысль в более категоричных выражениях: "Настоящее существительное к прилагательному русский есть европеец. Мы русские европейцы, как есть европейцы английские, французские, немецкие". Иван Сергеевич Тургенев, пожалуй, как никакой другой русский художник, мог бы подписаться под этими словами. И удивительно, что Федор Михайлович Достоевский, так искренно воспевавший "всемирную отзывчивость" русского человека, не принимал именно этого качества у собрата по перу Ивана Тургенева.

Тургенев был одним из самых последовательных западников и либералов, и декларации писателя собственных политических и мировоззренческих позиций никогда не расходились с его гражданским поведением: "Я все-таки европеус – и люблю знамя, верую в знамя, под которое я стал с молодости" (письмо к А.И.Герцену от 13 (25) ноября 1862; [1, т. V, с. 73]). Тургенев не был политическим деятелем, он был убежден в том, что "посильную пользу приносить могу я только как писатель, как артист" [1, т. V, с. 279]. Оксфордский университет, как известно, в 1879 г. наградил Ивана Сергеевича почетной степенью доктора естественного